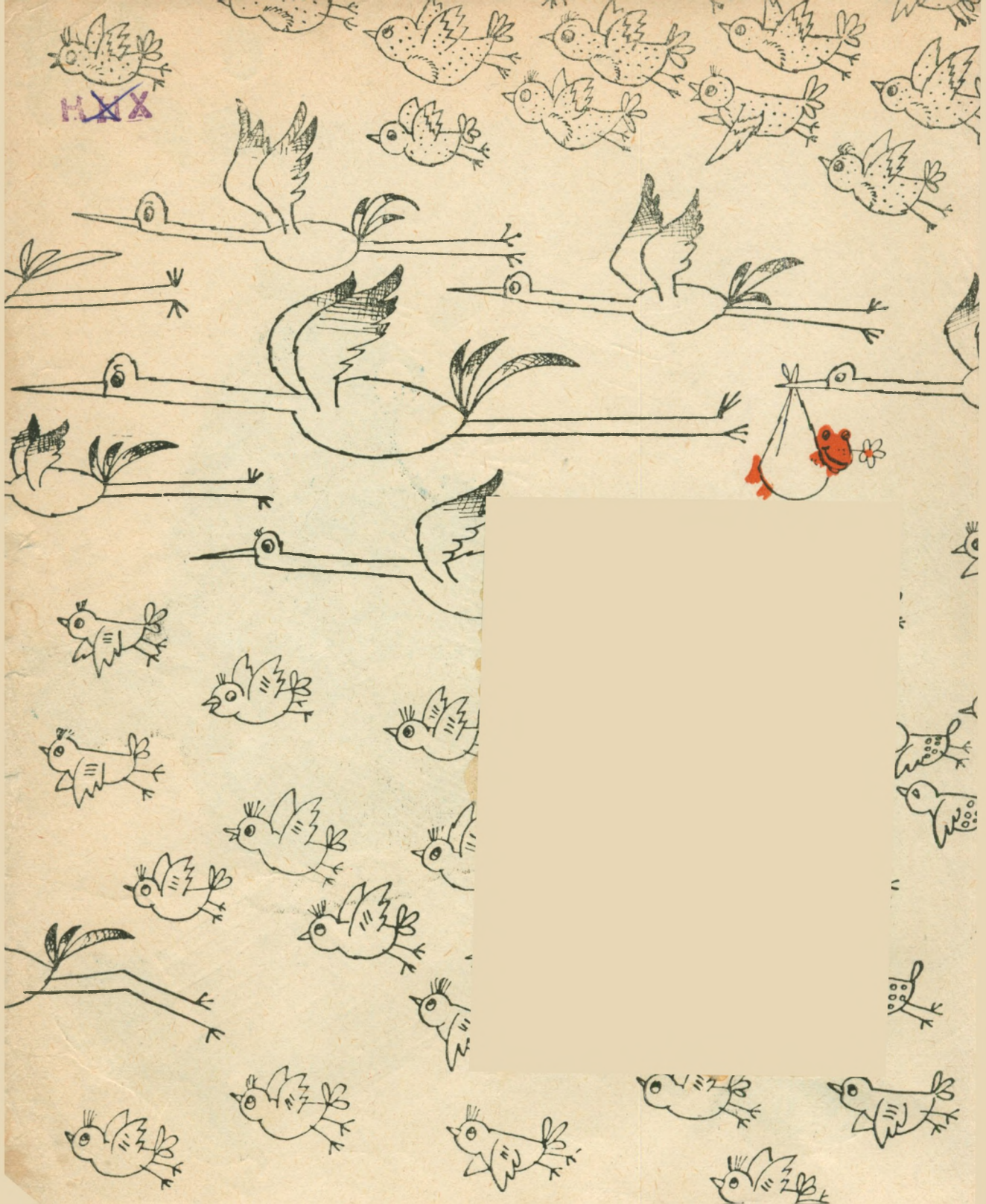

А. ДОМНИН

МОЛНИЯ
НА КОЧЕРГЕ

LXX

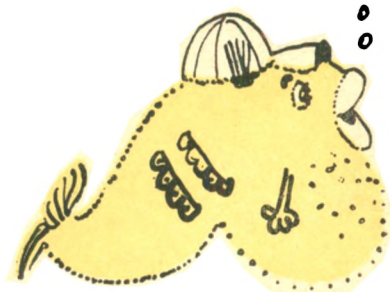

**ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО,
1967**

Живут в этой книжке забавные сказки
Про рыбий футбол и пожарные каски,
Про тигра, что жил со звездой на носу,

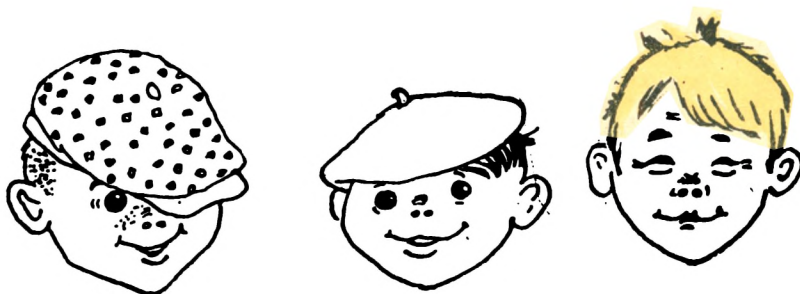
Про то, как чихали деревья в лесу,
Как пряталась ночь в заводскую трубу,
Как молнию мы привязали к столбу,
Про волчьи штаны
И сердитые сны,
Про серых и рыжих зверюшек лесных.

Алексей
Домнин

МОЛНИЯ НА КОЧЕРГЕ

ВЕТРА ПОЛНАЯ ШЛЯПА

Пошёл я однажды радостные слова для сказок искать. Долго бродил по лесам, лугам и резвым дорожкам. В поле ветер шумит, птички звенят, радуга над озером опрокинулась. Дышать сладко и жить весело!

Зачерпнул я ветра полную шляпу, потом горсть дождинок туда брызнул вместе с искринками радуги.

Надел шляпу на голову, иду — смеюсь. И сам, как радуга, сияю.

А в бороде у меня птичьи песни позапутались. Тряхну ею чуток — зазвенит она тихими перезвонами.

Домой пришёл, шляпу снял — сразу в комнате лесом запахло, дождик зашелестел, и ветер загулял от окна к окну. И всё кругом разноцветное и разнозвонное — и дождинок, и стулья, и мы с внучкой Лenuшкой.

А Лenuшка радуется!

Распахнули мы с ней все окна — смотрите, люди, порадитесь вместе с нами! И сказки наши послушайте.

СОЛНЫШКИН ШАРФ

Жили птицы в лесу. Сидели на ветках и пели весёлые песни. От их голосов смеялось и ярче светило солнышко.

Но там, где ходит солнышко, гуляют всякие ветры. Оно часто простужалось на сквозняке и уходило в больницу. Тогда на земле становилось хмуро и моросил дождь.

И решили птицы шарф для солнышка связать. Из песен своих разноцветных. Слетелись вместе и залились-зазвенели.

Вдруг ушастый филин прилетел и сел на сухую осину. Он был в тёмных очках, и поэтому весь мир казался ему тёмным и подозрительным. Увидел он солнышкин шарф и затрясся.

— Шуба! Моя шуба!— закричал он чёрным голосом.

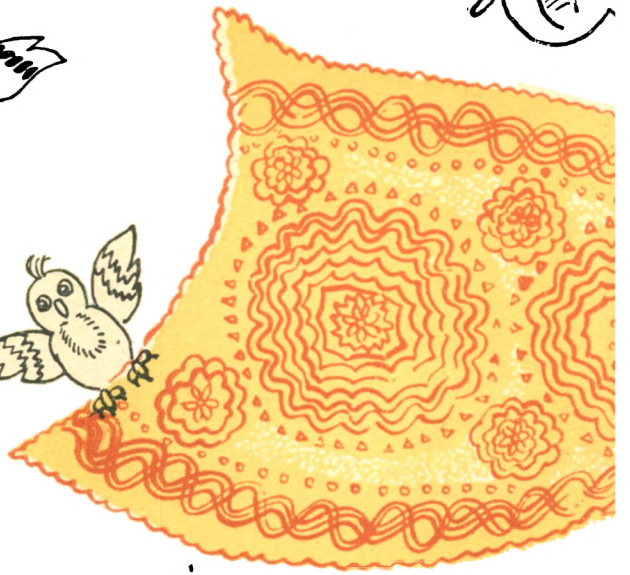
Он всегда кричал, что у него украли шубу, хотя никто её не крал. Кричал нарочно, чтобы птицы боялись и чувствовали себя виноватыми.

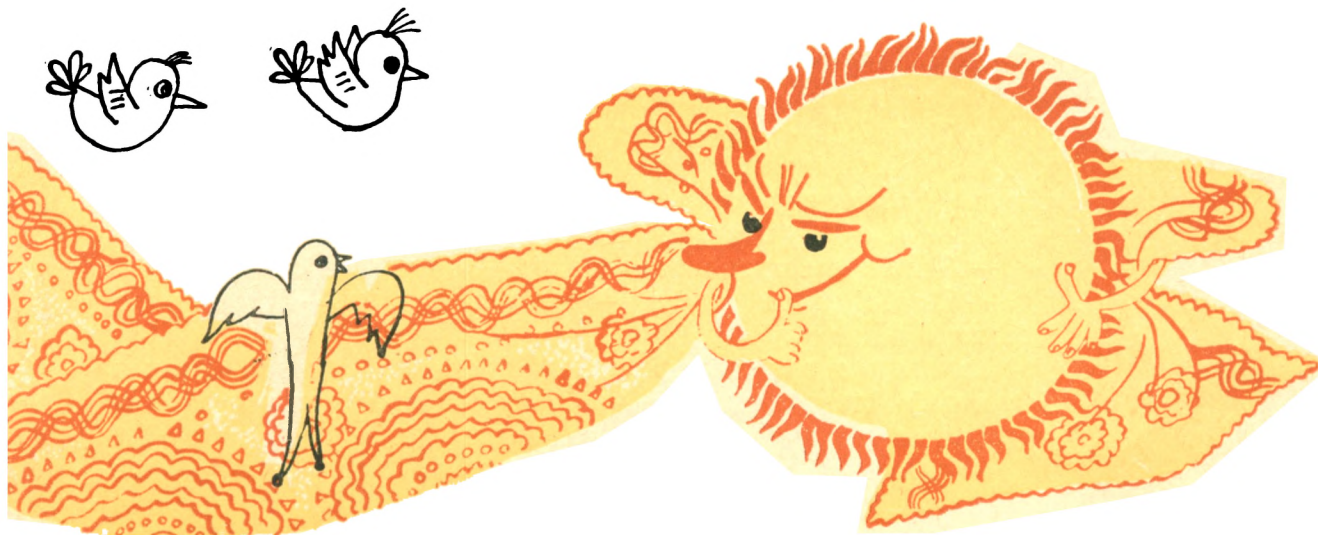
— Почему моя шуба без воротника и рукавов?— спросил он и вытянул когти, как кривые ножи.— Вы сошьёте воротник и рукава из своих перьев.

Птицы притихли.

— Мы готовы,— пискнула глупая птица угод. И стала себя ощипывать.— Нам, хе-хе, даже приятно, хе-хе, ходить голыми: не жарко.

— Вот и хорошо,— сказал филин.— А пока я буду спать.

И уснул. Уши у него шевелились, а когти торчали, как ножи.

— Что нам делать? — залопотали птицы.

— Каждый должен делать то, для чего он родился,— сказал ворон.— Если мы не станем вить гнезда и будем ходить голыми, мы перестанем быть птицами.

— Значит, я уже не птица? — пискнула глупая птица удо́д.

А ворон сказал:

— Мы отнесём солнышку его шарф и убежим из этого леса.

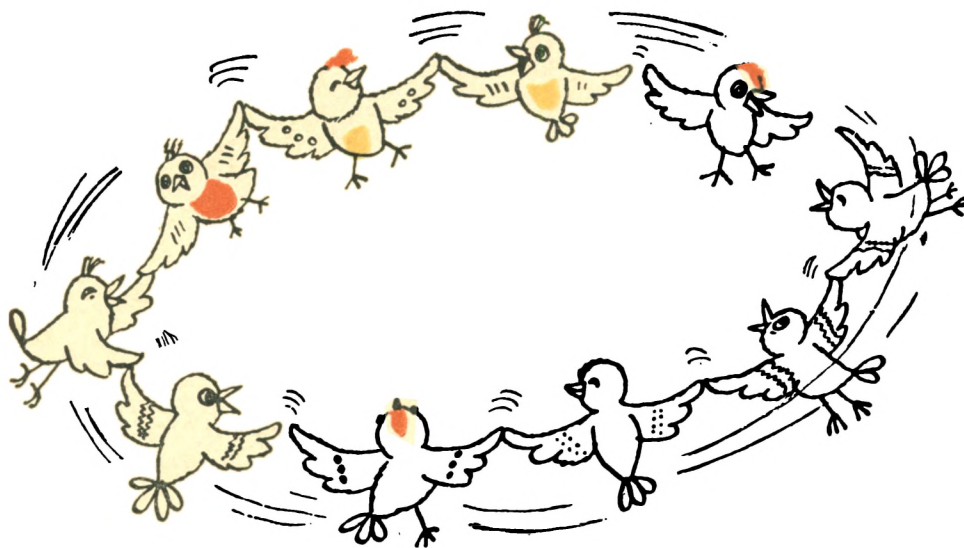
— Ура! — прозвенели птицы шёпотом.

Они подхватили клювиками солнышкин шарф и понесли. У большого озера растянули его на берегу. Ветер подхватил его конец и радугой-дугой перекинул через озеро.

И птицы побежали по радуге, как по мосту.

И в озере была радуга, только опрокинутая, и по ней тоже бежали птицы, только вверх ногами. А сзади всех семенила глупая птица удо́д и тряслась от страха.

— Вдруг я упаду? Вдруг я уже не птица?
Проснулся филин и увидел радугу-дугу над озером.
— Украли! — ухнул он чёрным голосом и распахнул крылья. Налетел на радугу, вцепился в нее когтями, стал рвать и бить крыльями.
Солнышко выглянуло из-за тучи и нахмурилось.
— Ты зачем рвешь мой шарф? — спросило оно.
— Шуба! Моя шуба! — гаркнул филин. — Ты украло мою шубу!
Солнышко засмеялось и брызнуло ему в глаза яркими лучами. У филина спали очки, и он ослеп. С тех пор он ничего не видит днём, летает только ночью и требует шубу.
А птицы расселись по всей земле и поют свои чистые песенки.

ПРО БЫЧКА

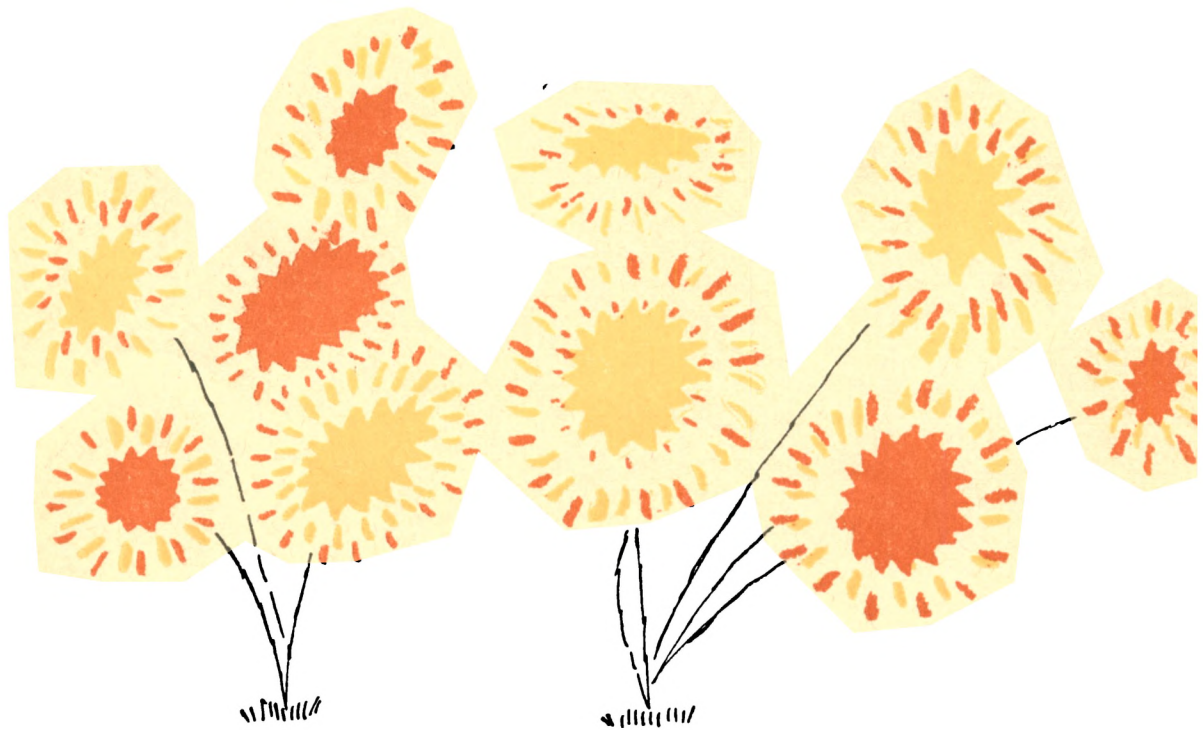
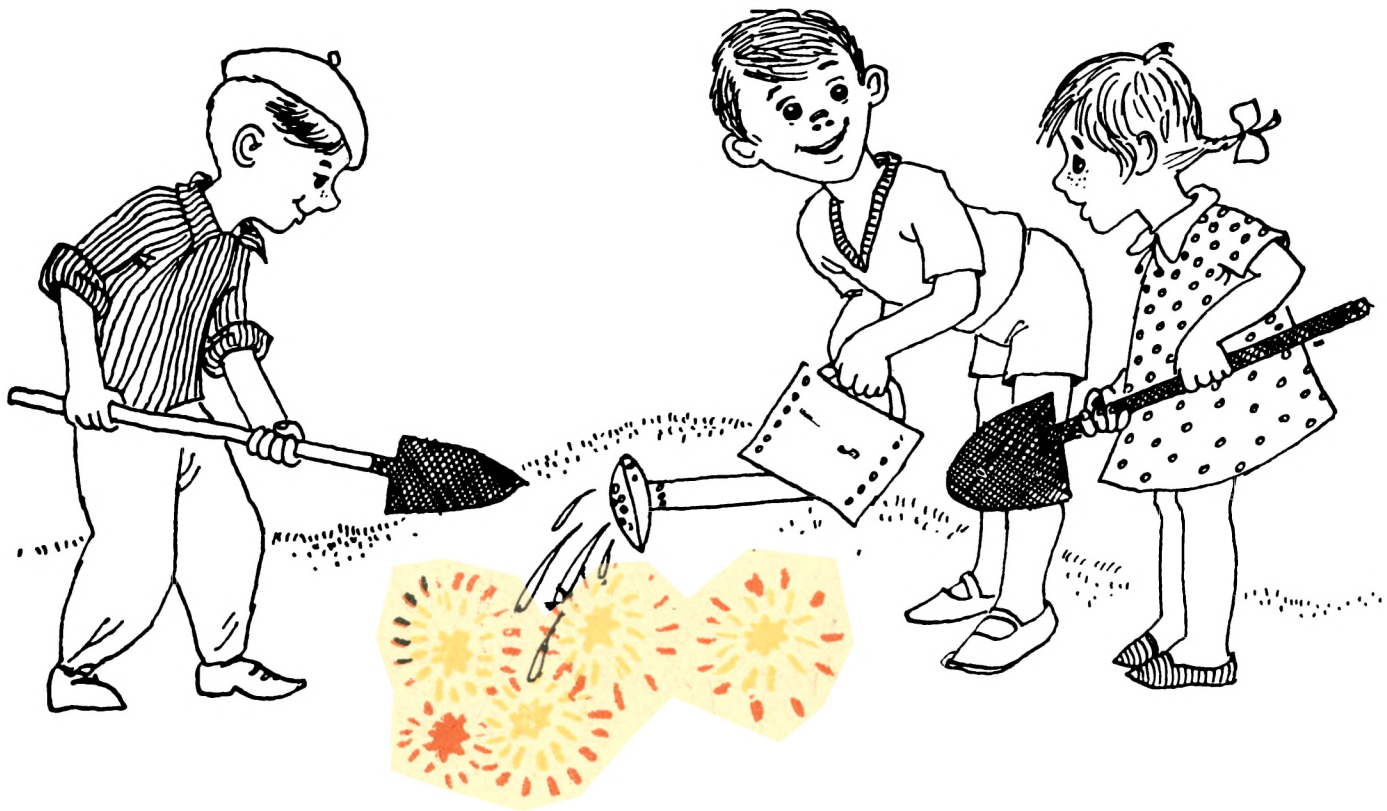
Скакал бычок — и рожками
Тучу зацепил,
И, плача, по дорожке
Помчался что есть сил.
И растянулась туча
Над ним, как чёрный дым,
Бегут потоки с кручи —
За ним,

за ним,

за ним!

К пустыне прямо скачет
Испуганный бычок.
А там пески горячие,
Там, как в печи, печёт.
Насквозь жарища сушит...
Но что ему, бычку?
Под тучей, как под душем,
Шагает по песку.

ЗВЕЗДЫ НА ГРЯДКЕ

Брали лопатки
Ребята озорные,
Сеяли на грядке
Звёзды ночные —
Красные и синие,
Разные,
Красивые!

Поливали молоком,
Посыпали сахарком,
Удобрjali киселями,
Калачами-кренделями.

Распустились кусты —
Во! — какой высоты!
Засверкали поутру,
Замигали на ветру,
Как цветные огоньки,
Как лесные светляки —
Красные и синие,
Разные,
Красивые!

Приходи к нам в огород,
Самый маленький народ:
Мы вас кашей угостим,
Мы вам звёздочек дадим
Полные ладошки
И еще немножко —
Красных и синих,
Разных,
Красивых!

ПОЧЕМУ ЧИХАЛИ ДЕРЕВЬЯ

Случилось так: деревья в лесу стали чихать и кашлять.

— А-ах, а-ах, а-апчхи! — качались до земли высокие сосны.

— Чхи-чхи! — подпрыгивали ёлки.

— Чхи-хи-хи! — тряслись осинки, и с них сыпались листья.

А старый кедр, лысый и бородатый, поднимался на кривых корнях и чихал так, что пеньки летели вверх тормашками, а цветы зарывались в землю.

Чихали все — большие деревья и маленькие травинки, и не могли понять почему.

Трухлявый пень, который только и умел жаловаться на свои болезни, теперь совсем расстонался. Он замотал себя компрессами из берёсты, наклеил горчичников из сушёных крапивных листьев и со всех сторон утыкался градусниками.

— У меня жар! — плакал он, и вместо слёз у него выкатывались светлячки. — У меня температура! Смотрите, — показывал он градусники, — на этом тридцать восемь, на этом — тридцать девять и пять, а на этом сорок чхи один!

Трухлявый пень давно всем надоел своими стонами. Его не любили. Однажды вдруг он начал жаловаться на то, что в лесу нечем дышать.

— У меня голова трещит от ваших запахов, — кричал он цветам и деревьям. — Перестаньте пахнуть!

Тогда в лесу было светло, и воздух был вкусный-вкусный. Пахло сосновой смолой и хвоей, спелой смородиной и земляникой. Каждое деревцо и травинка отдавали лесу свои запахи.

А трухлявому пню это не нравилось. Он ворчал и плакал:

— Я больной и старый, пожалейте меня.

Добрые цветы и деревья пожалели его и перестали пахнуть.

В лесу стало пусто и скучно. Улетели птицы. Спрятался ветерок-лесовей. Звонкие дожди больше не заглядывали сюда, и солнце не пило росу по утрам.

А деревья, цветы и травы стали чихать и кашлять.

— В больницу хотим, в больницу,— лопотали трусливые осинки.

— Пусть нас накормят манной чхашей и порошками,— гудела толстая кривая берёза.

Старый кедр рассердился и помёл землю бородой.

— Не мешайте мне,— сказал он.— Я буду думать и вспоминать.

Он прожил тысячу лет и знал всё на свете. Поскрипел он лысым затылком, покачал усами и сказал:

— Это грипп. Мы все заболели гриппом.

Сосны вытянулись от удивления, а трухлявый пень заныл и запрыгал:

— Я говорил! Я чхиворил! Теперь нам кха-кха-кхонец!

— Не хотим болеть гриппом! — замахали ветвями деревья.

А толстая кривая берёза качнулась и ударила по лбу сосну. У обеих всплыли сизые шишки.

— Ты чего дерёшься?

— Нет, это ты чхерёшься!

— Стойте! — гаркнул старый кедр. Он скрипел от возмущения и выдирал мох из бороды.— Стойте! Так вы поссоритесь

друг с другом и ничего не сделаете с гриппом. Я вспомнил. Болезни приходят, когда уходит радость. Мы радовались, когда отдавали лесу свои запахи.

— Верно! — залопотали осинки.

— Ничего подобного! — заверещал тухлявый пенёк, но его уже никто не слушал.

— Долой грипп! — пели в голос стройные сосны.

А старый кедр приподнялся на кривых корнях и взмахнул широкими лапами:

— Приготовиться всем! — гаркнул он. — Три, четыре...

И деревья вздохнули, вытянулись цветы и травы, и все разом:

— А-пчи!

С тухлявого пня слетели компрессы и горчичники.

— Я голый, я мёрзну! — запричитал он.

А деревья, цветы и травы вдруг запахло, каждое на свой лад. Лес наполнился тысячами разных запахов. Пахло горьким цветом черёмухи и молодыми сосновыми серёжками, ландышами и укропом, смородиной и крапивой.

Вернулись птицы и дождики, снова шепчется в листьях ветерок-лесовей, и солнце пьёт по утрам студёную росу с травы и цветов.

А тухлявый пенёк всё ещё жив. И опять замотал себя согревающими компрессами из берёсты, облепился горчичниками из сушёных крапивных листьев и со всех сторон утыкался градусниками. Он ворчит, что ему отравляют жизнь, и плачет. Из него сыплется труха, и вместо слёз падают светлячки.

РИСУНОК

Нарисованные волки
Возле речки у сосны
Нарисованной иголкой
Шили серые штаны,
Шили,

шили,

шили,

шили —

И к штанам себя пришили,
Нарисованный совёнок
На сосне тихонько спал.
Удивился он спросонок,
Удивился и упал.
Стали волки с перепугу
Расшиваться друг от друга.
Шили,

шили,

шили,

шили —

И совсем себя зашили,
Вот как!

ПРО РЫБУ, КОТОРАЯ НАДУЛАСЬ

На дне тёплого моря, на белой коралловой горке стоял кособокий домик из раковин. На нём была прибита дощечка с надписью: «Вагак».

Подплыл к ней морской петух, зачеркнул слово «Вагак» и написал сверху мелом: «Дурак!» И трижды прокукарекал.

Вылезла из домика неловкая толстая рыба Вагак. У неё были жёлтые полосатые бока и круглый глупый рот.

— Я обижусь,— сказала она и стала надуваться.

А другим рыбам смешно, они запрыгали вокруг и давай дразниться:

У Вагака-дурака
Очень толстые бока!..

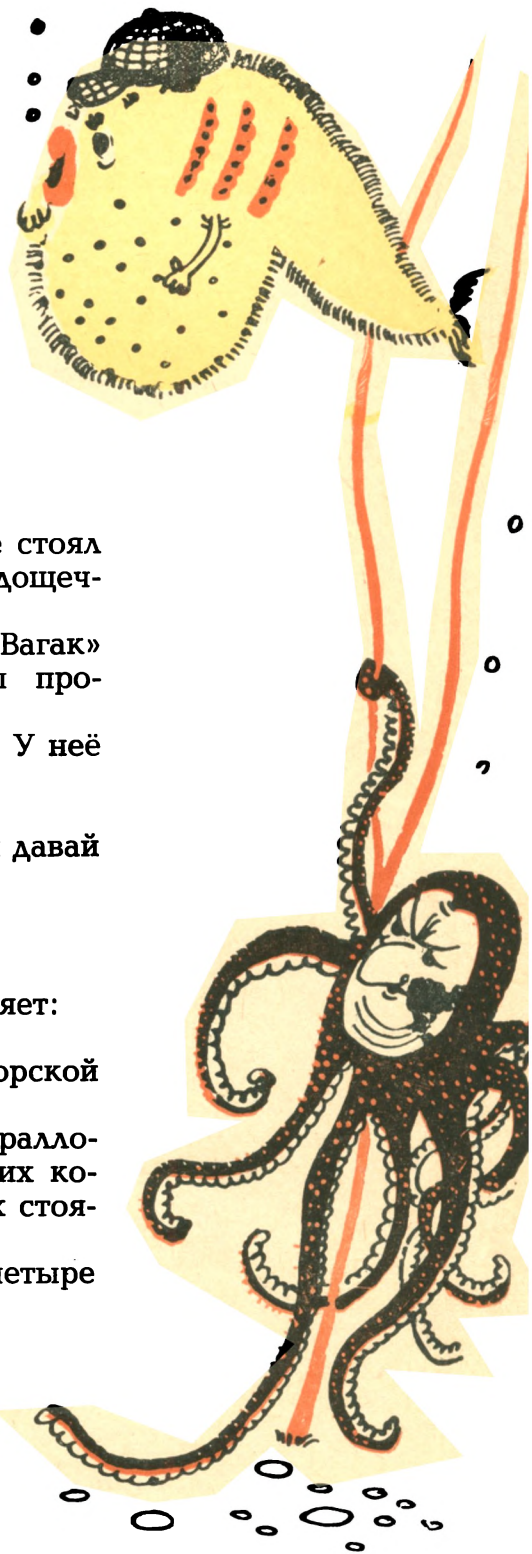
А морской конёк вскочил на него верхом и погоняет:

—Н-о-о, поехали!

Вагак сильнее обиделся и сильнее надулся. Морской конёк свалился с его спины кубарем.

Вздыхнул Вагак, чихнул с досады и отплыл за коралловую горку. И стал смотреть футбол. Команда морских коров играла с командой толстых дельфинов. В воротах стояли раки и ловили мячи клешнями.

Морские коровы забили дельфинам двадцать четыре гола.

Вагак от возмущения плавниками зашлёпал, закружился на месте, хотел засвистеть на всё тёплое море. Но свист вдруг застрял у него в горле: Вагак увидел акулу. Она крадась у самого дна и принюхивалась.

Скатился Вагак прямо на футбольное поле. Морской бык подумал, что это мяч, пнул что есть силы — и чёрный рак поймал Вагака за хвост.

— Больно! Пусти! Акула! — заверещал Вагак.

Кинулась к рыбам акула, да поздно: попрятались кто куда.

Очень голодна была акула. Откусила кусок скалы, пожевала — выплюнула: невкусно. Подплыла к домику Вагака, плавники топорщит, зубами щёлкает:

— Вагак, Вагак, выходи играть.

— Как?

— В лапту.

— А ты меня не съешь?

— Нет, — отвечает акула, — я совсем-совсем сыта, даже на мороженое смотреть не желаю.

Очень хочется Вагаку в лапту поиграть. Вылез он из домика и говорит:

— Давай считаться.

— Давай, — отвечает акула.

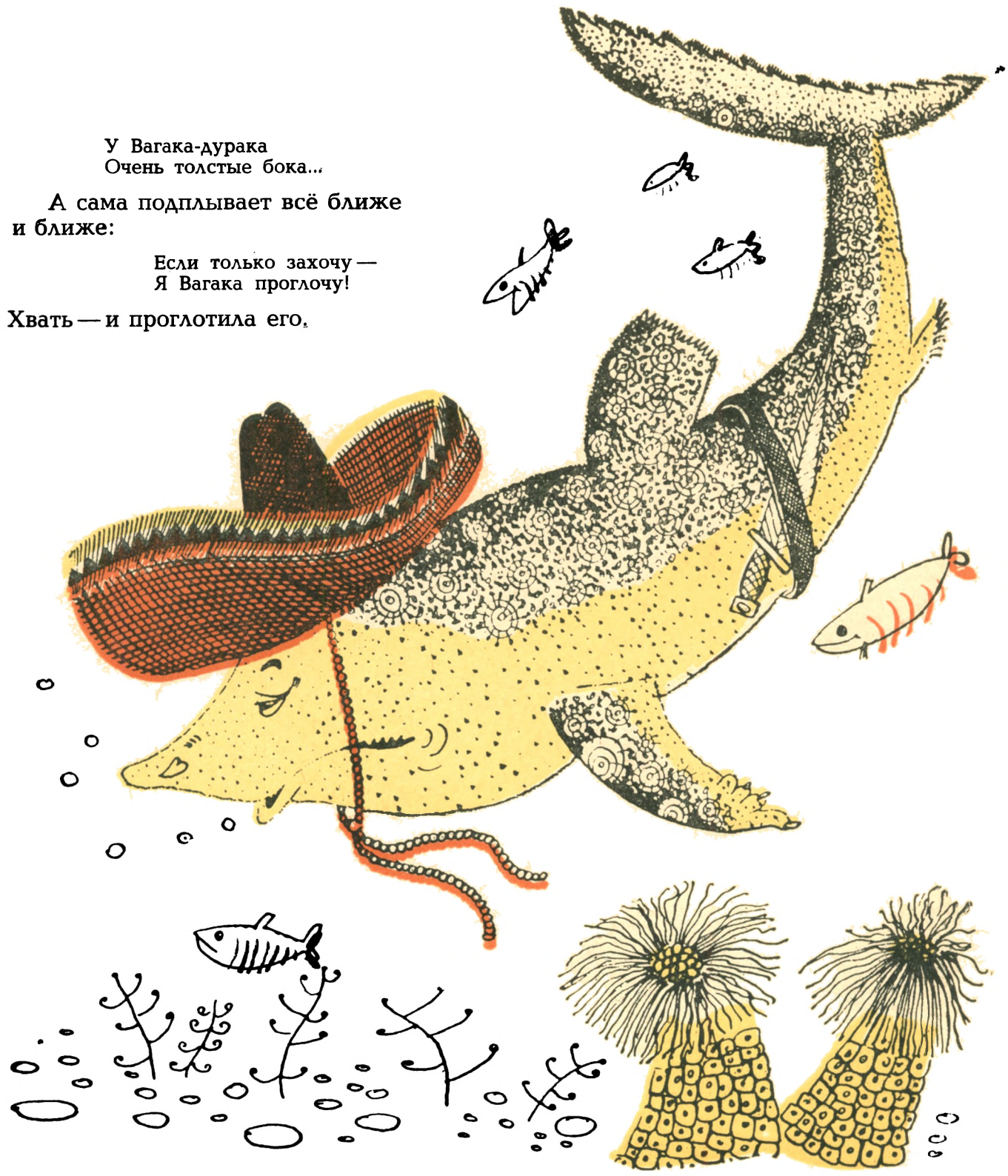

У Вагака-дурака
Очень толстые бока...

А сама подплывает всё ближе
и ближе:

Если только захочу —
Я Вагака проглочу!

Хвать — и проглотила его.

Сидит Вагак в тёмном акульем брюхе, ворочается:
— Выпусти меня, я в лапту хочу играть.
Акула брюхо поглаживает, улыбается:
— Глупый ты, Вагак. Как же я тебя выпущу, если я тебя съела?

— Тогда я обижусь.

— Пожалуйста, хоть лопни от обиды.

Надулся Вагак. Так надулся, что у акулы бока распёрло. Она не нарадуется: «Теперь никто не назовёт меня голодной. Вон я какая толстая!»

— Хватит! — кричит она Вагаку.

— А выпусти!

— Вот ещё чего придумал!

Совсем обиделся Вагак. Поднатужился он изо всех сил и так надулся, что акула взвизгнула и завертелась:

— Перестань! Мне бо...

И лопнула. Как большой мяч.

Вылез из неё Вагак и покатился к своему домику.

Увидел его морской петух и радостно закукарекал:

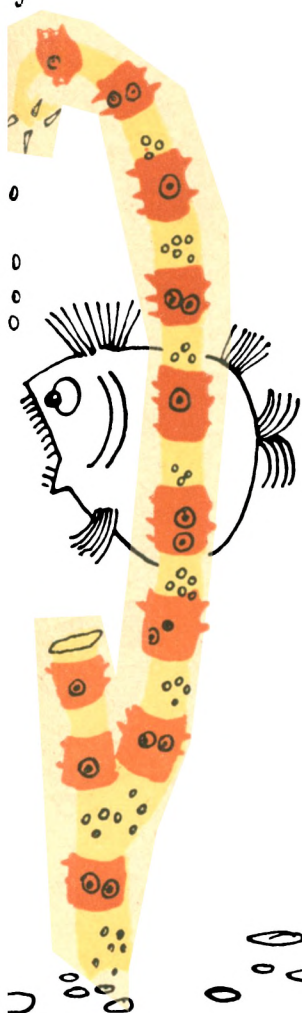
— Аку-ку-лу уко-ко-шил!

Подскакал к Вагаку морской конёк и просит:

— Ну, пожалуйста, ну прокатись на мне верхом!

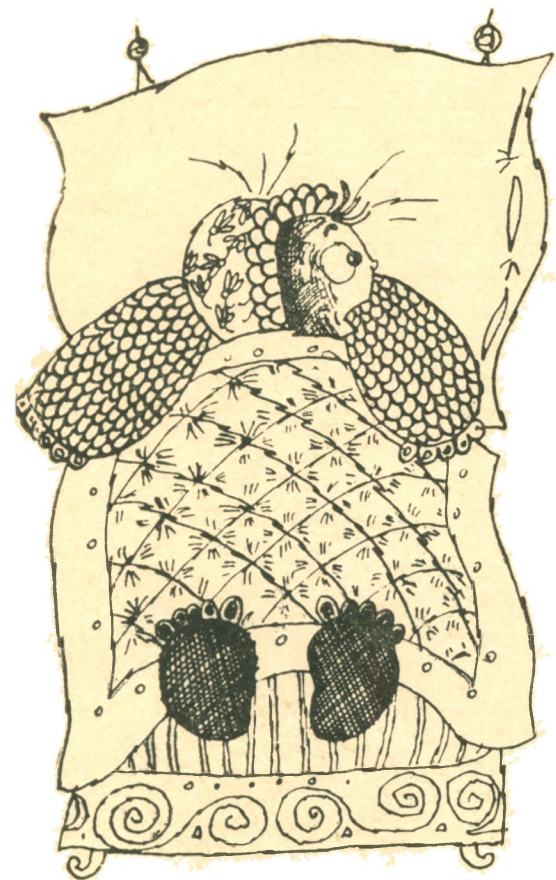
И другие рыбы окружили Вагака, поздравляют, улыбаются.

С тех пор в тёплом море никто не дразнит Вагака, рыбы с удовольствием принимают его играть в лапту или в футбол.

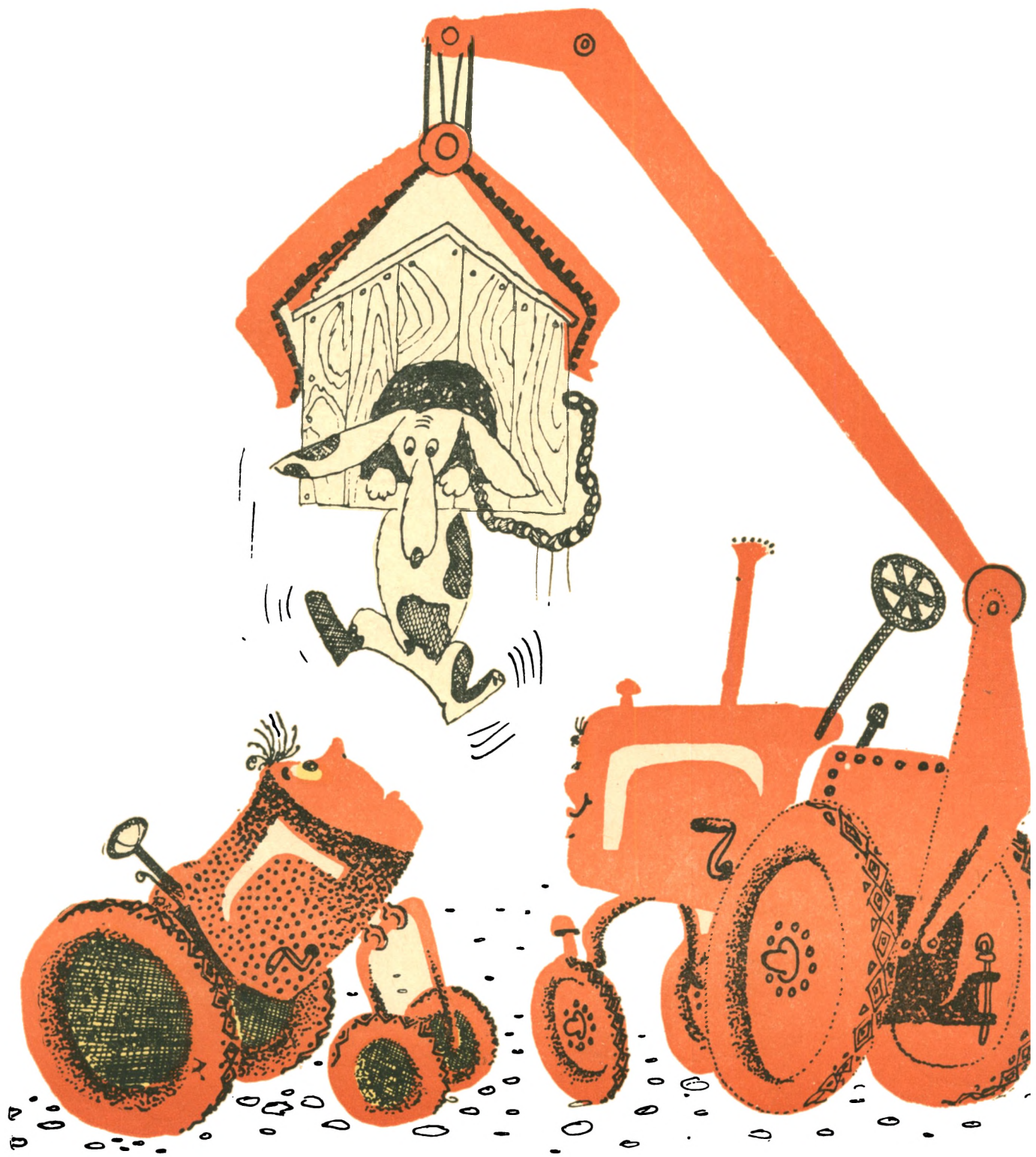

СТРАХИ

Знают даже черепахи,
Что живут на свете страхи,
Всякие — лесные,
Грустные, смешные,
Русские, немецкие,
Взрослые и детские.
Есть у каждого, поверьте,
Свой смешной какой-то страх:
Поищите-ка, проверьте
Под столами и в углах —
Вон он сидит!

ТРАКТОРЯТА

День луну в карман упрятал.
Солнышко не хмурится.
Разбежались тракторята
Землю рыть по улицам.
Землю роют, лапы моют,
Что-то возят, что-то строят,
И котятками урчат,
И галчатами кричат.
Им сердитый трактор клохчет:
— Не ходите далеко!
Вас дождём насквозь промочит,
Мальшей-озорников,
Вы простудитесь опять —
Где лекарства покупать?
Тракторята — как ребята,
Разыгрались тракторята:
Грязь до глаз, носы в песке,
Синячище на щеке!
Все поля перепахали,
Все носы перечихали,
Груз свозили в магазины
И ползут попить бензину.

НОЧЬ В ТРУБЕ

Есть у нас в посёлке пруд. А на берегу за синим забором хлебный завод с высокой закопчённой трубой. Из трубы выходит чёрный дым, а на заводе делают белые баранки и печенье.

Как-то поздно вечером проходили мы с внучкой Ленушкой по берегу. Дым из трубы валил густой и расплзался над прудом. И становилось темно.

— Смотри,— сказала Ленушка,— из трубы ночь выходит.

— Ага,— сказал я.

— Днём она в трубе прячется. Если её заткнуть — всегда будет день.

— Ага,— сказал я.

Нашли мы пузатый бочонок, дождались утра и пошли ночь затыкать.

Влез я на трубу, сунул голову внутрь. И чуть не задохнулся: дым в горле застрял. Выдернул голову. Но успел заметить: внутри трубы ворочается что-то чёрное. Наверное, ночь.

— Она! — кричит мне снизу Ленушка.— Потому что у тебя лицо теперь ночное!

Провёл по лицу ладонью — верно, вся ладонь чёрная.

— Затыкай! — кричит Ленушка.

Я бочонок, как пробку, приставил и кулаком пристукнул.

Слез и в пруду умылся. Бороду солнышку подставил, чтоб скорее сохла.

Целый день мы с Ленушкой радовались.

А потом грустно стало. Вроде бы спать пора, а не хочется. Солнышка нет, а светло, и звёзд не видать.

— Мы теперь совсем звёзд не увидим? — вздыхает Ленушка.

— Совсем.

— И луну тоже? И спать совсем перестанем? А как же в садик не спавши ходить?

— Не знаю.

У Ленушки слёзы на глаза навернулись. И мне плакать хочется. Нехорошо мы сделали.

— Давай выпустим ночь обратно?

— Давай!

И помчались мы к пруду.

А там народу — не протолкнёшься. И все на трубу смотрят. А труба прыгает, как живая, то надуется, то вытянется. И верещит:

— Выпустите меня! Я опаздываю.

Никто не поймет, что с ней случилось. Иные хохочут:

— Гляди-ка, впрысдаку пошла!

Пекарь в белом халате бегаёт вокруг, руками машет, кричит:

— Куда ты? С ума сошла? Во что я дым выпускать буду?

А труба вот-вот разорвётся.

Вскочил я пекарю на плечи, потом на крышу — и на трубу взобрался.

— Сейчас,— кричу,— выпущу!

Дёрнул бочонок — и швырнуло меня под облака! В ушах — грохот, в глазах — дым, а в руках — пузатый бочонок.

А подо мной ночь расплзается, рассыпает торопливо звёзды. Схватился я за облако, спустился на нём, как на парашюте. И побежали мы с Ленушкой домой — sny ночные смотреть.

СНЫ

Жили в подушке
Сны про лягушку,
Сны про зайчишку,
Сны про мальчишку,
Тихие, добрые, сладкие сны
Про серых и рыжих зверюшек лесных.
Илюшка подушку
Не мял и не бил,
Сны про лягушку
Илюшка любил.

Клонится, клонится ушко к подушке,
Шепчет лягушка Илюшке на ушко:
— Я тебя в царство своё отведу,
Будем с тобой мы играть в чехарду,
Будем стрекоз и комариков кушать.
Спи-засыпай поскорее, Илюша...

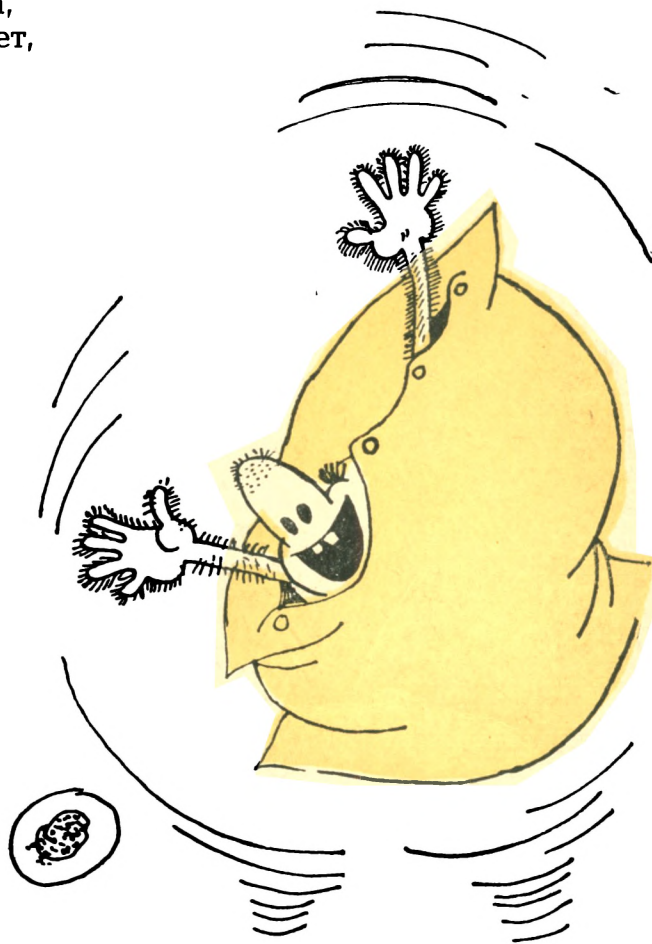
К Илюшке в подушку забрался однажды
Сон незнакомый, сердитый и важный.
Он начал кусаться, пинаться и драться
И ласковым сном приказал убираться:
— Отдайте мне ваши игрушки-ватрушки

И вылезайте из этой подушки!
Стану один я в ней жить-поживать,
Илюшке недобрые сны колдовать.

Но тут возмутились хорошие сны
Про серых и рыжих зверюшек лесных:
— А мы не хотим, чтобы ночью Илюшка
Плакал от страха на мягкой подушке!

Проснулся, глаза протирает Илюшка —
Впрысядку по комнате скачет подушка,
Как будто в ней кто-то кого-то щекочет,
И кто-то недобрый визжит и хохочет:
— Я больше не буду! Пустите меня!..
Но вот приутихла в подушке возня.
Подушка Илюшке под ушко легла,
И сказку лягушка опять завела
Про тихие сны,
Про хорошие сны,
Про серых и рыжих зверюшек лесных.

МОЛНИЯ НА КОЧЕРГЕ

Была гроза. Толкались на небе лохматые тучи и стреляли молниями в трубы. Полоснёт огненный ручеёк по трубе — и кирпичи вдребезги. Десять труб разбила молния на нашей улице.

Внучка моя Ленушка рассердилась и сказала:

— Поймать бы её и закрыть в подполье. Пускай в темноте сидит.

— Поймаю, — решил я.

Надел рукавицы, полез на крышу и стал караулить.

Хлестал дождь, студёный, с градом. Как горох, барабанил по крыше и по моей спине.

Вдруг сверкнула молния. Я схватил её за хвост и скрутил в кольцо. Заизвивалась она, зашипела, застреляла в лицо синими красками.

Принёс я её домой и бросил в подполье.

Сели мы с Ленушкой чай пить. Жевали баранки с мёдом, слушали, как шуршит под полом молния, и радовались. Ни у кого на свете нет собственной молнии. А у нас есть! Захотим — будем на ней лепёшки печь, захотим — верёвку сплетём.

Почувствовал я — что-то горячее ткнулось мне в ногу.

— Смотри! — испугалась Ленушка, и чай у неё выплеснулся на платье.

Из-под сапога у меня торчал хвостик молнии. Прожгла она дырку в полу и выползает, как змея.

— Кыш, такая-сякая, намазаная-сухая!

Топнул по ней каблуком! Спряталась. И в другом месте высунулась. Внучка забила её молотком обратно.словно гвоздь. А она уже за моей спиной шуршит, прожигая дырку...

И началось! Заскакали мы с Ленушкой по комнате. Еле успеваем назад молнию загонять. Пол на решето стал по-

хож, весь в дырках. Стулья в доме опрокинуты, шкаф на боку, и кровать кверху ножками!

Ленушка запыхалась, бегать больше не может.

— Мышеловку надо поставить,— зашептала мне она.— Как сунется в неё молния — тут её и прихлопнет.

— А, может быть, лучше водой её окатить, чтоб остыла?

Только выползла молния в новую дырку — я из ведра на неё плеснул. Зашипела она, как раскалённый прут, изогнулась и вдруг стрельнула в печку. Ленушка едва успела наступить ей на хвост. А другим концом она уже из трубы вылезла и мотается над крышей.

Сосед наш монтер Серёга увидел в окно огненный хвост над нашей трубой и подумал, что пожар. И побежал звать пожарников.

Еле-еле вытянул я молнию из печки и намотал её на кочергу. И задумались мы: что делать с ней дальше?

— Может быть, выпустим? — сказала Ленушка.

— Нельзя, все трубы перебьёт.

— И дома держать нельзя, потому что жить с ней сплошное мученье.

— Несчастные мы люди.

— Самые разнесчастные на свете.

Ленушка заплакала. И у меня защипало в носу. И пошли мы, вздыхая, на улицу.

Гроза уже кончилась. В бурных лужах плавали щепки и листья. Из-за леса краешком выглядывало оранжевое солнце.

Я утирал бородой слезинки и нёс кочергу, обмотанную молнией. Она ворочалась, шипела и стреляла синими искрами, как большой бенгальский огонь.

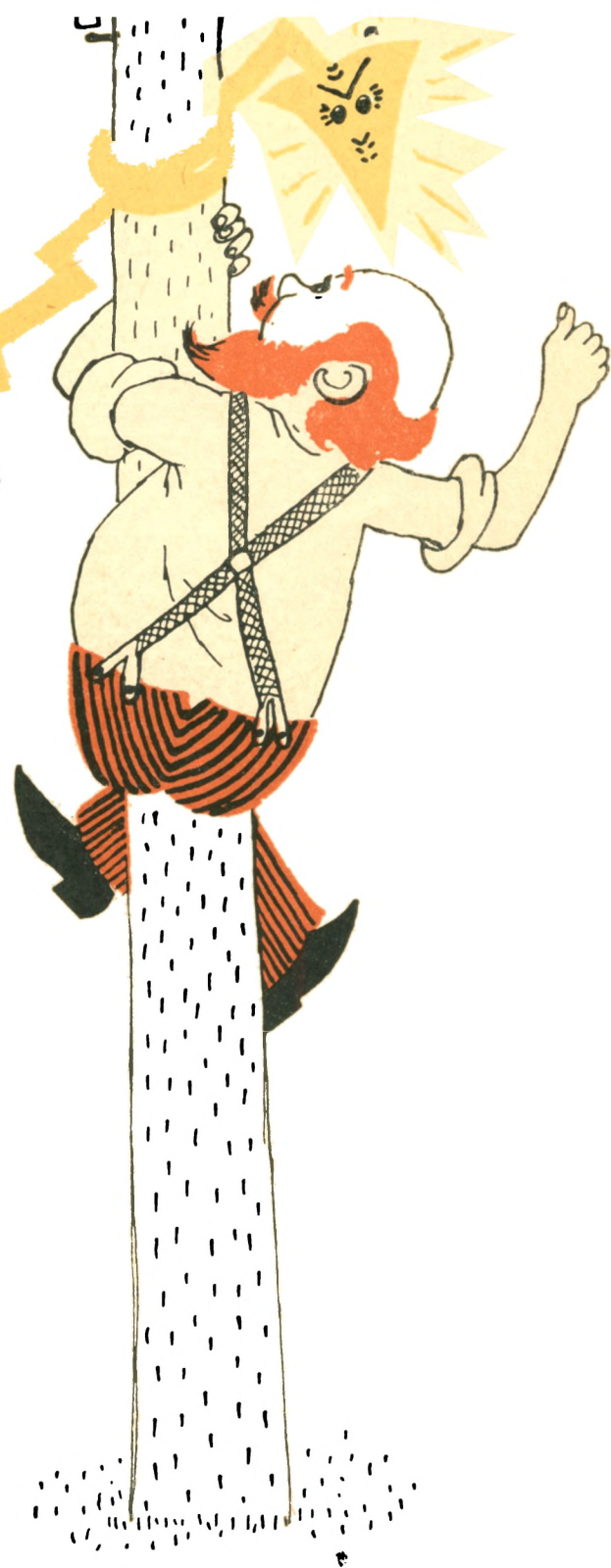
Мы спустились к реке и сели на перевёрнутую лодку. Река была оранжевой от солнца. Над ней висели провода, а по обоим берегам стояли смолистые столбы.

— Если растянуть молнию над рекой и привязать к столбам, она будет светить лучше всяких лампочек,— придумала Ленушка.

— Конечно. И ночью можно будет рыбу ловить!

— И мы от своей беды избавимся!
Ленушка так обрадовалась, что чуть
не оступилась в воду.

Нашли мы проволоку, я влез на столб и прикрутил к его вершинке один конец молнии. Потом переплыл реку, разматывая её с кочерги, как нитки с катушки, и крепко-накрепко к другому столбу примотал. Повисла она над рекой, как синий огненный ручеёк, искрилась и светила ярко.

Пошли мы с Ленушкой домой, чай допивать.

И вдруг услышали звон пожарного колокола. С горы прямо к реке примчалась красная пожарная машина. С неё спрыгнули десять пожарников в касках с медными гребешками и монтёр Серёга.

— Провода горят! — закричали десять пожарников и приставили к столбу десять лестниц.

— Что они хотят делать?

Монтёр Серёга влез по лестнице на столб и остриг молнию монтёрскими ножницами. Упала она в реку и разрубила её пополам.

Десять пожарников разинули рты, а монтёр Серёга обнял столб и боялся слезать.

А молния шипела и хлестала по воде.

— Ловите её! — закричал я пожарникам. — А то она всю реку выхлещет. Это же молния!

Десять пожарников надели рукавицы, прыгнули и поймали молниевый хвост. Вместе мы смотали её снова на кочергу. Десять пожарников сняли каски с медными гребешками и вытерли потные лбы. Сказали мне:

— Привязывать молнию к электрическим столбам строго воспрещается. И на кочерге носить воспрещается. И дома держать воспрещается.

— А куда же мы её денем? — рассердилась Ленушка.

— В землю заройте.

— Выползет.

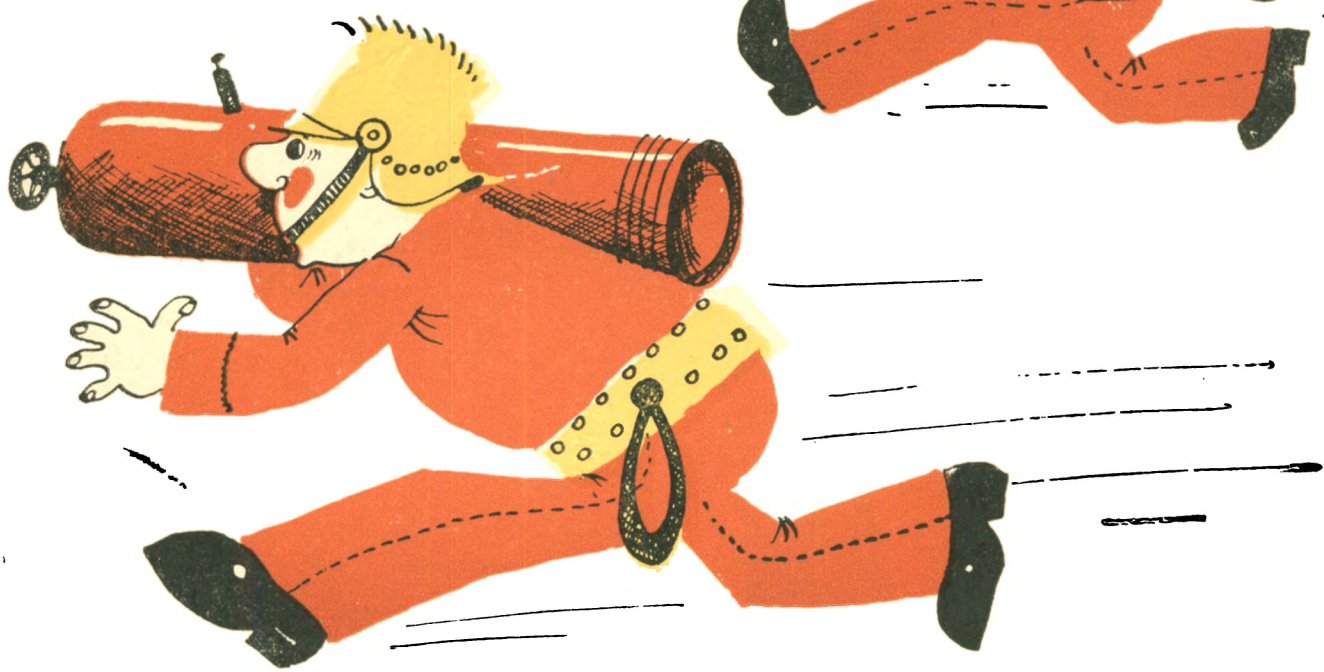
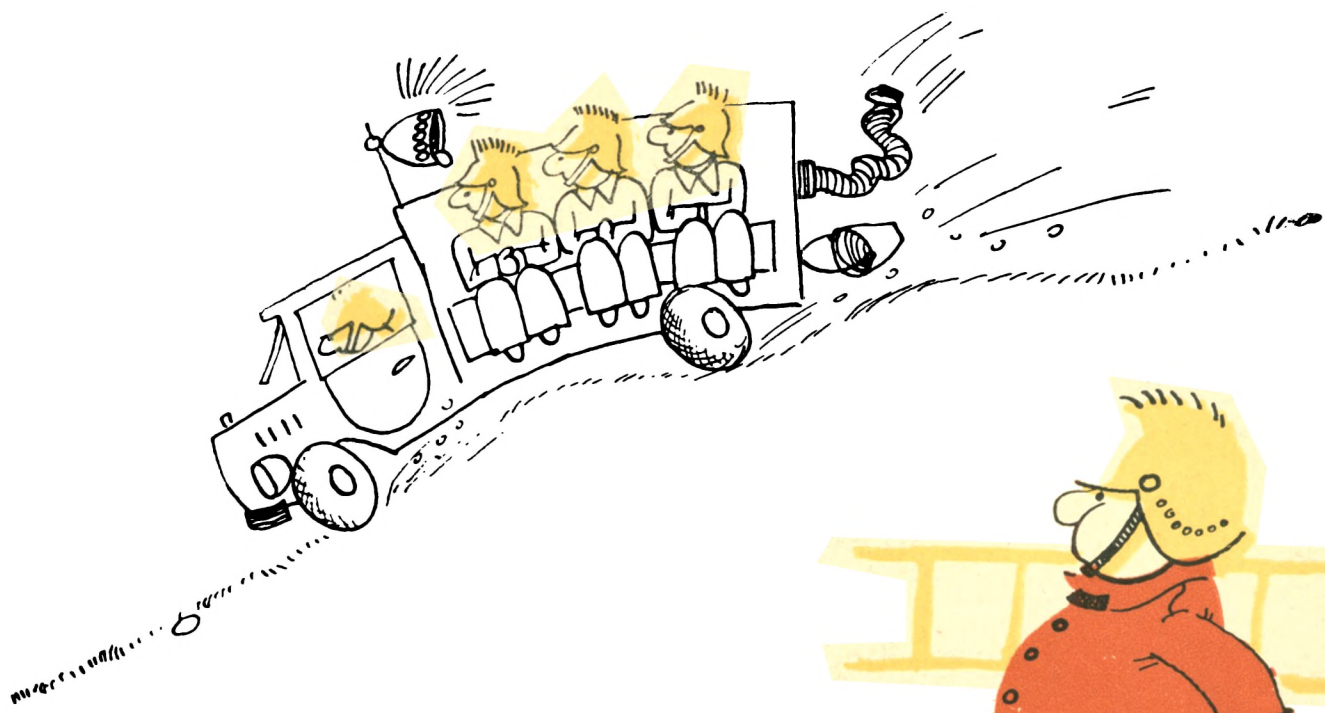
— В реку бросьте.

— Река выкипит.

Десять пожарников развели руками.

Монтёр Серёга пожалел нас и сказал:

— Отдайте мне. Я отнесу её на электрический завод и что-нибудь придумаю.

— Пожалуйста,— обрадовался я,— бери вместе с кочергой!

Дома мы с внучкой выпили целый самовар чаю. Даже не заметили, что пили без мёду. Всё равно он показался сладким. Мы смеялись над тем, что пол у нас в дырках и похож на решето. А потом крепко уснули. Кончились наши несчастья!

Приснилось мне, будто у монтера Серёги молния вырвалась и снова стала стрелять по трубам. А Серёга скакал за ней по крышам с кочергой и не мог поймать.

Я с перепугу проснулся и разбудил Ленушку.

— Ты знаешь, что мы с тобой обманщики? Другому человеку отдали свою беду. Теперь, наверное, другой человек с ней слёзы льёт?

— Да, мы с тобой самые распоследние обманщики на свете,— вздохнула Ленушка.— Наверное, у монтера Серёги молния и стены прожгла...

— И потолок...

— И крышу...

— Бежим скорей к нему!..

— Бежим!

Как были мы босые и неодетые, так и прибежали к Серёге.

Он только что вернулся с завода и высыпал на стол из кармана пригоршни маленьких лампочек. Они были очень яркие и светили без всяких проводов.

— Слушай, Серёга,— сказали мы ему.— Ты уж прости нас, пожалуйста. И отдай нам обратно молнию. Пусть нам одним будет плохо.

Монтер Серёга рассмеялся.

— Возьмите,— говорит.

И высыпал нам в ладошки две горсти маленьких лампочек.

В них горели маленькие кусочки молнии.

Теперь каждый Новый год мы с внучкой Ленушкой достаём их из чемодана и развешиваем на ёлке. Они горят, как маленькие бенгальские огоньки.

КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

Когда я был маленьким,
Была у меня борода,
Седая, как космы метели,
Я ею во сне укрывался всегда,
Стелил её вместо постели,
Когда я был маленьким.

Когда я был маленьким,
Был пистолет у меня,
Стрелял не свинцом и не хлебом —
Ба-бах! — и летели, брэнча и звеня,
Звёзды к вечернему небу.
Раз тигра я встретил в дремучем лесу
И в нос ему выстрелил прямо,
И так он ходил со звездой на носу —
Такой он был, дети, упрямый,
Когда я был маленьким.

Когда я был маленьким,
Акулу поймал я в реке,
Как сетью, дырявой калошей,
Жила она с кошками на чердаке
И ржала, как старая лошадь,
Когда я был маленьким.

Когда я стал взрослым.
Я всё растерял и забыл,
Даже хромого медведя,
С которым мы вместе искали грибы
На дальней какой-то планете,
Когда я стал взрослым,
Теперь не грызу я галет,
По крышам не бегаю в валенках,
А всё потому, что ищу я секрет,
Как снова стать маленьким.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ВЕТРЫ

По белому свету с утра до утра
Весёлые бродят ветра.

Весенние ливни приводит с собой
К тебе ветерок голубой.

А ветер зелёный — бродяга лесной,
Он горькою пахнет сосной.

У ветра у синего — нрав озорной:
Он дружит с солёной волной.

А ветер лиловый — громами гремит,
Тяжёлою тучей дымит.

По белому свету с утра до утра
Весёлые бродят ветра.

От каждого ветра немножко хлебни —
И станешь таким, как они.

Алексей Михайлович ДОМНИН

Молния на кочерге

Стихи и сказки для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Художник Светлана МОЖАЕВА

Редактор *А. Зебзеева*
Художественный редактор *М. Тарасова*
Технический редактор *Т. Дольская*
Корректоры *Н. Аборкина, Е. Божанова.*

Сдано в набор 15/V 1967 г. Подписано к печати 30/X 1967 г. Формат бумаги офсетной 84×92¹/₁₆.
Печ. л. 3, бум. л. 1,5 (усл.-прив. л. 4,29), уч.-изд. л. 5,328. Зак. 6057. Тираж 30 000 экз. Цена 38 коп.

Тип. изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

9900010032896

